

Тяжелая крышка черного гроба со скрежетом сдвинулась, и наружу хлынул густой, удушливый запах свежей крови.

Вокруг глухо завывало — иньская энергия снова попыталась стянуться к гробу. Но не успели темные миазмы подобраться и на полшага, как их безжалостно рассекла заполнившая все небо яростная фиолетовая ци меча. По округе разнесся истошный визг злых духов, превращая это место в истинное чистилище.

На самом дне безмолвно покоилось тело Гун Чэня.

Наверное, никто бы не поверил, что грешник, при жизни вытерпевший мучительную казнь извлечения костей, уйдет в мир иной с таким умиротворенным лицом. Его черты не исказила предсмертная гримаса; напротив, он казался удивительно спокойным и безмятежным.

В тот миг, когда Сюй Цыань взглянул на труп Гун Чэня, в его вечно холодных глазах промелькнуло кое-что еще.

Ненависть.

Гун Чэнь сразу ее заметил. Сжигающую, яростную ненависть — такую, что полыхает в зрачках подобно жгучей боли от обморожения. Сюй Цыань ненавидел его так сильно, что, казалось, жаждал искромсать это мертвое тело на тысячи кусков.

Если бы Гун Чэнь мог снова встретиться с Кэ Суем лицом к лицу, он бы обязательно представил ему Сюй Цыаня заново:

«Сюй Цыань. Мой шисюн на бумаге и заклятый враг на деле».

А началась их вражда семь лет назад, когда они спустились с горы и по глупости угодили в ловушку древней иллюзии.

Гун Чэнь тогда был совсем юн и наивен. Полагая, что всё случившееся в иллюзорном мире сотрется из памяти, едва они выберутся наружу, он набрался наглости и поцеловал шисюна, на которого давно заглядывался. Всего один раз, легко коснувшись губ.

За этот невинный жест Сюй Цыань потом преследовал его семь дней и семь ночей. Гун Чэнь намотал восемь кругов вокруг огромной горы — драться с шисюном он не мог, убежать тоже не получалось. Позор был неопишуемый.

Будучи молодым и гордым, Гун Чэнь не стерпел такого унижения. В ту же ночь он раз и навсегда похоронил свою мимолетную влюбленность и провел между ними жирную черту. С тех пор они стали как вода и пламень. Стоило им пересечься в ордене, как тут же летели искры — ни один не упускал случая отравить другому жизнь.

Гун Чэнь не мог придумать ни единой причины, кроме желания отомстить и развеять его прах по ветру, ради которой Сюй Цыань решился бы в одиночку явиться в Оскверненные земли, разрыть могилу и вскрыть гроб.

Но неужели это того стоило?

Гун Чэнь тоскливо размышлял об этом. Прошло столько лет, он давно покинул Небеса Пурпурной Кости и поклялся никогда больше не попадаться шисюну на глаза...

Пока он предавался унынию, Сюй Цыань шевельнулся. Он резко схватил Гун Чэня за воротник и притянул к себе.

Оказавшись совсем близко, Гун Чэнь заметил, что белки глаз шисюна прорезали пугающие алые капилляры, волосы на висках растрепались, а духовные силы бушевали, вырываясь из-под контроля.

«Неужели искажение духовных сил?»

Точно! Семь лет назад Сюй Цыань гнал его через леса вопреки всем приличиям именно потому, что его ци исказилась!

Душа Гун Чэня содрогнулась. Не желая чувствовать, как безумец кромсает его тело на куски, он поспешно запечатал собственное восприятие.

В следующее мгновение Сюй Цыань прижался своими губами к его губной щели.

Ничего не почувствовавший Гун Чэнь опешил.

«Что за?..»

«Серьезно?»

Полной уверенности не было. То ли почудилось, то ли нет. Надо проверить еще раз.

Гун Чэнь осторожно приоткрыл духовное зрение. Первое, что он увидел — черные, словно вороньи крылья, опущенные ресницы Сюй Цыаня. А прямо под ними — тонкие губы шисюна, плотно прижатые к его собственным, иссохшим губам.

И хотя осязание все еще оставалось заблокированным, память услужливо подсказала Гун Чэню, какими мягкими были эти губы тогда, на горе Тяньлин. Прекрасной формы, нежные, оттенка цветущего весеннего персика — именно они когда-то лишили его разума.

Картинка оказалась слишком волнующей. Гун Чэнь вздрогнул, мгновенно прервал зрительный контакт и замер в глухой темноте своего разума, обхватив голову руками.

«Погодите-ка...»

«Это что, действительно был поцелуй?»

«Сюй Цыань... целует меня?»

«Неужели он... неужели я ему...»

«Да он совсем сбрендил?!» — в сознание бесцеремонно ворвался яростный, скрежещущий зубами голос Кэ Суя. — «Зачем этот идиот навлекает на себя кару небес?»

«А? Кару небес?» — Гун Чэнь только теперь вспомнил, что его верный друг Кэ Суй мчится к нему на выручку. Виновато кашлянув, он ответил: «Какая еще кара? Да ничего он такого не делает, просто...»

«Гун Чэнь, ты умер, а не оглох!» — Кэ Суй, зависший на мече посреди бури над Оскверненными землями, заорал во всю глотку: «Раньше ты воротил нос, даже когда я тихонько портил воздух! Неужели ты не слышишь этот грохот?!»

Стоило ему замолкнуть, как за его спиной с оглушительным треском разорвалась молния.

Грохнуло так, что заложило уши.

Тем временем струйка алой крови потекла из уголка губ Сюй Цыаня, очертила его подбородок и закапала на лицо Гун Чэня.

Нахмурившись, Сюй Цыань отстранился. Кончиками пальцев он поймал каплю крови, бережно разжал онемевшие челюсти Гун Чэня и заставил его проглотить ее, мягко проведя пальцем по языку.

Гун Чэнь, который только-только вернул себе тактильные ощущения, оцепенел.

«Эта чертова молния меня чуть пополам не рассекла!» — Кэ Суй судорожно вцепился в рукоять меча. — «Теперь-то услышал?»

«Ну... честно говоря, нет» — неловко признался Гун Чэнь.

«...»

«Кажется, он поит меня своей кровью» — мысленно откашлялся Гун Чэнь. — «Это как-то связано с гневом небес? Хм... постой. Почему его кровь сладкая на вкус?»

Тем временем Сюй Цыань, сочтя прежнее положение неудобным, снова опустил тело Гун Чэня на дно гроба. Отыскав носком сапога немного свободного места, он забрался внутрь и опустился на колени прямо поверх покойника.

Теперь они вдвоем ютились в тесном деревянном ящике.

Сюй Цыань склонился ниже, уперся ладонями по обе стороны от лица Гун Чэня и вновь накрыл его губы своими.

Благодаря смене позы дело пошло быстрее — кровь без труда заскользила в горло Гун Чэня, и напряженная складка между бровей Сюй Цыаня разгладилась.

В тот же миг над гробом медленно соткался огромный, зловещий узор в виде пары фениксов.

С огромным трудом оторвав взгляд от лица Сюй Цыаня, Гун Чэнь принялся разглядывать парящий в воздухе рисунок.

Фигурка птицы-хуан медленно налилась фиолетовым сиянием, которое постепенно начало перетекать на соседний силуэт — темно-серую птицу-фэн. Чем быстрее Сюй Цыань вливал в него кровь, тем стремительнее разрастался свет, окрашивая фигуру фэна в неописуемо прекрасный, величественный пурпур.

В душе поднялось недоброе предчувствие. Гун Чэнь поспешил описать другу все, что видит.

«Фиолетовый узор с фениксами?..» — Кэ Суй озадаченно вглядывался в пробивающиеся сквозь клубы черного тумана лиловые отсветы. В глубине мглы кружили призрачные очертания двух мифических птиц. Знак, который всегда считался предвестником великого счастья, сейчас веял могильным холодом и жутью.

Вдруг лицо Кэ Суя исказилось от ужаса, и он истошно завопил: «Это же "Возрождение феникса"! Запретная техника воскрешения!»

«Останови его!» — взмолился Гун Чэнь. — «Но как? Я же просто бестелесный дух!»

«Ты же только что почувствовал вкус крови!» — Кэ Суй, уворачиваясь от яростных атак иньских духов, начал стремительно снижаться. — «Значит, твоя связь с плотью восстанавливается, и к телу возвращаются чувства. Тебе нужно прервать ритуал до того, как весь узор вспыхнет целиком!»

При мысли о последствиях этой жуткой техники Кэ Суя прошиб холодный пот: «У обычных людей после смерти душа сильно повреждается, а ее остатки бесследно растворяются в мире за первые семь страж. Он пытается насильно запереть твой дух в полугнилой плоти! Если бы твоя душа не уцелела чудом, ты бы очнулся безмозглым болванчиком, бездумной марионеткой. Хуже живого мертвеца! И он ведь прекрасно это понимал... Какой же безумец!»

Небо над их головами затянуло свинцовыми тучами, в глубине которых зловеще рокотали багровые молнии — предвестники неминуемой божественной кары.

Внезапно небесный свод раскололся от колоссального разряда. Ослепительная вспышка на миг озарила дно черного гроба: у лежащего в нем мертвеца едва заметно дрогнул указательный палец правой руки, изуродованный сквозной раной.

Сюй Цыань замер. Он слегка приподнялся, продолжая сидеть верхом на его бедрах, и пристально вгляделся в лицо лежащего под ним юноши.

Тот безмолвно открыл глаза.

Гун Чэнь еще не вернул власть над собственным телом. Его расширенные темные зрачки остекленело смотрели вверх, а бледные губы были упрямо сжаты.

Новая порция крови не смогла проникнуть в рот и потекла по щеке. Сюй Цыань не произнес ни слова. Он медленно провел тыльной стороной ладони по собственным губам, размазывая по ним алую влагу, отчего они стали похожи на лепестки, покрытые яркими румянами.

«Кэ Юаньчжэнь!» — в панике закричал Гун Чэнь в своем сознании, переходя на официальное имя друга. — «Если я откажусь глотать его кровь, все прекратится?»

«... Поздно» — Кэ Суй только что коснулся ногами земли. Задрвав голову к небу, где закручивался колоссальный вихрь божественной кары, он тяжело сглотнул. — «Пьешь ты или нет — ритуал завершен. Пути назад больше нет»

«И это, по-твоему, называется "поздно"?!» — взревел Гун Чэнь.

«Я имею в виду, что лично тебе ничего не угрожает» — Кэ Суй благоразумно решил не подходить близко к эпицентру бури. Усевшись прямо на землю, он стер холодный пот со лба. — «Кара настигнет лишь того, кто задействовал запретную технику. Я тут подумал... Ритуал, конечно, дикий, но тебе он вреда не причинит, так что не переживай особо»

«И насколько силен этот удар небес?»

«Все, кто ниже стадии Великого совершенства, обратятся в пепел»

Раздался оглушительный раскат.

Сюй Цыань поднял глаза к небу.

Черные тучи теперь полностью соткались из ревущего багрового пламени. Небеса жаждали крови того, кто осмелился нарушить вечный круговорот жизни и смерти.

Но стоило Сюй Цыаню опереться о край гроба, собираясь встретить удар лицом к лицу, как чьи-то ледяные пальцы намертво вцепились в его щиколотку.

«Уже вернул контроль над телом?»

Сюй Цыань бросил на лежащего короткий взгляд. В его глазах мелькнуло удивление, но задерживаться он не собирался. Он попытался небрежно высвободить ногу, однако хватка оказалась на удивление крепкой.

Получилось!

Гун Чэнь мысленно возликовал. Сосредоточив все остатки духовных сил в руках, он смог ненадолго вернуть им былую мощь. Теперь, если понадобится, он разделит этот удар небес вместе с Сюй Цыанем. Все равно он уже мертв, и его потрепанному телу ничто не повредит, а вот спасти чужую жизнь еще можно попробовать.

Но не успел он перевести дух, как Сюй Цыань хрипло произнес первые слова с момента их встречи:

— Гун Цзинъюй, жди меня.

За его спиной разверзлась бездна из тысяч ревущих молний. Поднялся ураганный ветер, вырывающий деревья с корнем, и на миг вокруг стало светло как днем.

Лицо Сюй Цыаня при этом оставалось абсолютно спокойным. В его чертах сквозило странное умиротворение, какого Гун Чэнь никогда прежде у него не видел.

В следующее мгновение Сюй Цыань точным, безжалостным движением вывернул Гун Чэню сустав, заставив того разжать пальцы. Развернувшись, он призвал сияющий клинок, шагнул на него и устремился прямо навстречу буре.

Одновременно с этим тяжелая крышка гроба плавно заскользила обратно, закрывая Гун Чэню обзор.

С тех пор как запретная техника заперла его душу в теле, он больше не мог использовать духовное чутье для обзора.

Мир вокруг окончательно погрузился во тьму.

Снаружи доносились приглушенные раскаты грома, свирепый рев ветра, испуганные вопли спасающихся бегством демонов, грохот рушащихся скал и осыпающейся земли...

Его мертвое сердце не билось, но в груди все равно возникло такое чувство, будто по ней нанесли сокрушительный удар.

Спустя вечность крышка гроба снова сдвинулась.

Гун Чэнь с трудом повернул голову, силясь разглядеть пришедшего.

— Это я, — над краем гроба показалось востроенное лицо Кэ Суя. Он коротко усмехнулся. — Шисюн твой сейчас занят, так что самое время делать ноги.

Гун Чэнь попытался возразить:

«Но...»

— Никаких «но»! — Кэ Суй помог ему выбраться наружу, не упустив возможности поворчать. — Этот сумасшедший, оказывается, уже достиг пика стадии Великого совершенства! Небесная кара задержит его ненадолго. Если мы не сбежим прямо сейчас, то останемся здесь навечно.

Гун Чэнь промолчал. Действительно, бежать было необходимо. Разве может желать добра тот, кто пытается превратить тебя в послушную марионетку?

К несчастью, его вновь обретенная плоть двигалась неохотно и с трудом подчинялась приказам. Кэ Суй же никогда не отличался выдающимися успехами в управлении мечом — его клинок едва выдерживал вес двоих, поэтому им пришлось продвигаться пешком.

«Погоди» — Гун Чэнь по-прежнему не мог говорить и воспользовался мысленной передачей. — «Гроза стихла»

— Так быстро?! — Кэ Суй резко побледнел, заметив, что грозовые тучи стремительно тают. Стиснув зубы, он усадил Гун Чэня на парящее лезвие и встал позади сам. — Ладно, пан или пропал! Не может быть, чтобы мои тренировки прошли даром!

Гун Чэнь хотел было намекнуть другу, что сейчас не лучшее время для бахвальства — иначе его свежее испеченный труп рискует превратиться в груды обломков. Но перспектива остаться вечной игрушкой в руках Сюй Цыаня пугала куда сильнее. Смирившись, он крепче вцепился в рукоять.

— Держись крепче! А-а-а!..

Меч угрожающе завилял из стороны в сторону, унося их ввысь. О какой-либо плавности полета говорить не приходилось, зато скорость они набрали приличную. Одним словом — дух захватывало.

Когда до края ущелья оставалось не больше тридцати чжанов, фиолетовая вспышка пронеслась в волоске от затылка Кэ Суя.

Тот мгновенно присел, обхватив голову руками, и в ярости закричал:

— Он что, прибить меня решил?! Он вообще знает, с кем связался?!

— А мне нужно это знать? — ледяной голос прозвучал прямо у них над головами.

За долю секунды Сюй Цыань обошел их и теперь преграждал путь вверх. Сверкающие фиолетовые клинки соткали в небе плотную, сияющую сеть, готовую в любой миг превратить беглецов в решето.

Кэ Суй лишился дара речи.

— Ну... вежливость еще никому не вредила, — выдавил он натянутую улыбку. — К тому же, моя семья весьма состоятельна.

Сюй Цыань даже бровью не повел.

И пусть сияние его меча заметно померкло после битвы с небесной карой, расправиться с Кэ Суем, застрявшим на стадии Золотого ядра, ему не составило бы труда.

— Мой отец — великий лекарь, и я унаследовал его дар! — поспешно добавил Кэ Суй. — Раз уж ты хочешь сделать из Гун Чэня марионетку, я могу оказаться полезен.

Сюй Цыань слегка прищурился:

— И чем же?

— Например... — Кэ Суй с важным видом постучал пальцами по плечу Гун Чэня, изображая глубокие познания. — Я могу сделать его суставы мягче. Тогда он станет послушнее и маневреннее. А ну-ка, покажи класс, помаши ручкой.

Гун Чэнь мысленно застонал.

Сидя на лезвии меча, он тупо уставился на Сюй Цыаня и, собрав все силы, медленно поднял два затекших пальца, слегка согнув их в приветствии.

Сюй Цыань некоторое время молча разглядывал эту картину, после чего холодно бросил:

— Слишком глупо.

Гун Чэнь мысленно выругался. Но ради спасения шкуры Кэ Суя пришлось терпеть.

— Кхм, — Кэ Суй неловко закашлялся. — И какого же эффекта желает господин?

Сюй Цыань опустил ресницы.

— Чтобы он был прежним.

— А, прежним... Что?! — Кэ Суй округлил глаза от изумления. — Но какая тогда разница между этим и полноценным воскрешением?

— Даже если и воскрешение, что с того? — Сюй Цыань слегка наклонил голову набок. — Он посмел умереть, не спросив моего разрешения. Как только он вернется к жизни, я лично развею его прах по ветру.

Кэ Суй лишился дара речи.

«Кажется, у него не все дома» — осторожно передал он Гун Чэню.

«Вот поэтому я всегда его и боялся» — мысленно вздохнул тот в ответ.

— Прекрасно! Господин — человек исключительной прямоты! — Кэ Суй фальшиво рассмеялся, хлопнув в ладоши. — Не стану скрывать, при жизни Гун Чэнь был моим добрым приятелем, и я явился сюда с той же целью. Раз уж наши намерения совпадают, почему бы нам не объединить усилия?

«По-моему, у тебя тоже крыша поехала» — мрачно заметил Гун Чэнь.

«Замолчи!»

Сюй Цыань одарил Кэ Суя презрительным взглядом, каким обычно смотрят на придорожную грязь.

— Имя, клан, и проваливай.

Кэ Суй облегченно выдохнул, торопливо выложил всю информацию и, указав на Гун Чэня, осторожно поинтересовался:

— А... он?

Сюй Цыань слегка прищурился. Он небрежно коснулся носком сапога плеча мертвеца и слегка толкнул его назад.

— Он остается со мной, — равнодушно обронил он.

В то же мгновение тело Гун Чэня сорвалось с лезвия меча и устремилось вниз. Кэ Суй в ужасе попытался поймать его, но пальцы схватили лишь пустоту.

Следом за падающим телом ринулся водопад из тысяч фиолетовых клинков, заполнив зрачки Гун Чэня ярким сиянием.

В ушах неистово свистел ветер. Он не слышал, что Сюй Цыань говорил Кэ Сую; он видел лишь силуэт шисюна, застывший в вышине. Тот бесстрастно провожал его взглядом.

Сюй Цыань словно пытался разглядеть, осталось ли в этой ожившей кукле хоть немного человеческого страха перед бездной.

Но Гун Чэнь не выдал себя ничем. Лишенный духовных сил, он просто летел вниз, позволяя своему изувеченному телу падать подобно сломанной бабочке.

Всего несколько часов назад его гроб точно так же сбросили с обрыва. Тогда не было свиста ветра — лишь жуткое чувство свободного падения в бесконечную тьму. В те короткие секунды ему действительно было не по себе, и лишь когда гроб с глухим стуком ударился о землю, а волна тошноты улеглась, он почувствовал странное облегчение.

И вот теперь история повторилась.

Однако на этот раз тысячи фиолетовых лучей меча бережно окружили его плоть, сплетаясь под его спиной в подобие живого ковра из лепестков, который мягко опустил его на

каменистую землю.

Лежа на спине, Гун Чэнь широко открытыми глазами наблюдал за тем, как Сюй Цыань плавно опускается следом, а полы его одеяний красиво колышутся на ветру.

Сияние мечей медленно таяло, распадаясь в воздухе на крошечные искры, которые окутывали фигуру шисюна мягким, призрачным ореолом.

Гун Чэню было невыносимо стыдно признавать это, но факт оставался фактом — он с самого детства не мог устоять перед очарованием Сюй Цыаня.

<http://bllate.org/book/20729/2105918>